

IX Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей

С 22 по 24 ноября 2012 г. в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) прошла IX Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей.

Первая подобная конференция состоялась осенью 2004 г. По замыслу организаторов, целью встреч должен был стать обмен опытом и научными идеями между молодыми специалистами, работающими в области типологии и теоретической грамматики в России и за рубежом. Непрерывающаяся традиция проведения конференций свидетельствует о том, что идеи организаторов успешно воплотились в жизнь: высокий уровень лекций и докладов и актуальность обсуждаемых проблем неизменно привлекают внимание к конференции как со стороны уже сложившихся лингвистов, так и со стороны начинающих исследователей.

Нынешняя, девятая по счету, конференция в определенном смысле стала «юбилейной»: дни ее проведения совпали по времени с празднованием 80-летия руководителя Лаборатории типологических исследований языков Виктора Самуиловича Храковского. В связи с этим оргкомитет принял решение посвятить заседания конференции этому торжественному событию.

Тематика конференции, как всегда, была достаточно разнообразна, однако большая часть докладов оказалась посвящена проблемам типологии глагольных категорий, лексической типологии, описанию редких явлений в языках различной генетической и ареальной принадлежности. Значительное место в программе конференции заняло описание фактов грамматики русского языка и языков народов России, ориентированное на современные синтаксические теории и типологический подход.

Программа конференции, которая в этом году прошла при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, включала восемь пленарных заседаний и секцию стендовых докладов. Формат конференции предполагал

выступления двух типов: лекции приглашенных профессоров и доклады молодых исследователей. Всего в конференции приняли участие 39 молодых ученых – студентов, аспирантов, научных сотрудников и преподавателей, представлявших различные научно-исследовательские организации (Институт лингвистических исследований РАН, Институт языкознания РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН) и вузы (МГУ, СПбГУ, РГГУ).

Открыл конференцию директор Института лингвистических исследований РАН академик Н.Н. Казанский. На утреннем заседании первого дня конференции выступили три докладчика. Н.М. Стойнова (Москва) описала в докладе показатели редитива – глагольные показатели со значением обратного движения. Проанализировав материал разноструктурных языков, она выяснила, что для разных подтипов редитивного значения могут быть релевантны следующие семантические параметры: а) фиксированная / нефиксированная траектория (возвращаться в ту же точку по любому маршруту / по исходному маршруту), б) фиксированная / нефиксированная ориентация (в направлении исходного пункта / в направлении, обратном направлению движения («назад»)); в) фиксированная / нефиксированная цель движения (в исходную точку / в точку обычного пребывания («домой»)). По словам Н.М. Стойновой, отдельный параметр типологического варьирования представляет собой взаимодействие редитивного значения с глагольной основой: так, редитивный показатель может давать разное результирующее значение, присоединяясь к глаголам каузации движения (типа «нести»): ‘обратно туда, где был каузируемый’ vs. ‘обратно туда, где был каузатор (вернуться, принеся с собой X)’.

В докладе Н.В. Перковой (Швеция) рассматривалось противопоставление двух типов комитативных конструкций в латышском языке, выражающееся в смещении фокуса эмпатии на

одного из участников ситуации. Н.В. Перкова определила основные семантические и морфосинтаксические свойства обеих конструкций и выделила типологические параллели в языках циркумбалтийского ареала.

П.М. Аркадьев (Москва) рассмотрел «неканоническое» падежное маркирование объекта в целевых инфинитивных оборотах литовского языка. В этих конструкциях объект может быть оформлен генитивом (в инфинитивных клаузах при глаголах перемещения) или дативом (в целевых инфинитивных клаузах при других типах глаголов и при именах). Такого рода нестандартное маркирование объекта в нефинитных клаузах мало изучено типологически и редко встречается в языках мира. По словам П.М. Аркадьева, история возникновения этих конструкций показывает, что в результате нетривиального конвергентного морфосинтаксического развития конструкции со сходными синтаксическими свойствами могут происходить из исходно совершенно различных синтаксических структур.

Дневное заседание открылось выступлением А.Б. Летучего (Москва). Он рассказал о русских конструкциях со словом «один», позволяющих акцентировать внимание на количестве предметов и тем самым придать большую значимость участникам ситуации. Слово «одно» в составе подобных конструкций способно вводить не только именные группы, но и сентенциальные актанты. Поведение именных и сентенциальных зависимых при этом не полностью совпадает. Особенно подробно докладчик остановился на тех случаях, когда форма предиката сентенциального актанта не полностью повторяет ту, которая возможна в конструкции без слова «одно». А.Б. Летучий представил возможные объяснения и проанализировал их применимость в данном случае. По его мнению, стоит считать, что после слова «одно» возможными становятся те модели, которые являются центральными для данной семантики, однако в силу каких-либо причин невозможны при данном глаголе. Снятие этих ограничений означает, что они не носят строгого синтаксического характера.

Н.В. Сердобольская (Москва) подробно проанализировала систему конструкций с сентенциальными актантами в осетинском языке. В своем докладе она показала, что в осетинских актантных предложениях союз служит для выражения семантики зависимой предикации (в терминах «факт», «событие», «генерическое событие» и т. п.), а местоимение-коррелят выражает принадлежность зависимой клаузы presupпозиции / ассерции.

О.И. Беляев (Москва) представил материал аштынского диалекта кубачинского языка,

где нестандартным образом ведут себя экспериенциальные предикаты, рефлексивные предикации и, что особенно важно, непереходные глаголы, в которых возможно употребление как «переходных», так и «непереходных» показателей, причем «непереходные» показатели в целом предполагают большую степень контролируемости ситуации. Он продемонстрировал, что ни один из существующих подходов к проблеме переходности не может дать адекватного объяснения наблюдаемым в аштынском диалекте фактам. Взамен О.И. Беляев предложил характеризовать данную грамматическую категорию как выражающую степень контролируемости ситуации со стороны абсолютива. Важно отметить, что подобное явление не засвидетельствовано в других языках мира и представляет интерес с точки зрения типологии грамматических категорий глагола.

В докладе А.А. Сомина (Москва) описывались два случая глагольной редупликации в уляпском говоре бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка. В конструкциях, которым был посвящен доклад, с помощью редупликации маркируется длительность / регулярность ситуации, а сами конструкции являются антонимичными. Кроме того, по словам А.А. Сомина, одна из конструкций обнаруживает дальнейшее семантическое развитие и обозначает также прототипичность объекта, обозначенного предикатом.

Выступление Д.К. Привознова (Москва), открывшее вечернее заседание, было посвящено семантике показателя -*ǯ* в мишарском диалекте татарского языка. В грамматиках тюркских языков не раз отмечалась многозначность этого показателя, но Д.К. Привознов первым попытался сформулировать его инвариантное значение, из которого с учетом свойств исходного глагола выводилось бы каждое конкретное значение. Он выделил четыре основных значения этого показателя в мишарском диалекте: реципрокальное, ассистивное, депациентивное и итеративное. Проанализировав употребления показателя -*ǯ* с 80 глаголами, обладающими различными свойствами, докладчик пришел к выводу, что все деривации на -*ǯ* образуют от исходного глагола, обозначающего одну ситуацию с одним агенсом, предикат, обозначающий множество ситуаций, в каждой из которых есть свой участник с семантической ролью агенса.

Е.А. Ренковская (Москва) сообщила о явлении элизии в диалекте сорьяли языка кумаони. Особое внимание в своем докладе она уделила тем случаям, когда конечные гласные не подвергаются элизии. Согласно гипотезе Е.А. Ренковской, на сохранение конечных гласных может влиять ряд грамматических

черт диалекта сорьяли, которых нет в других диалектах.

В докладе С.В. Краснощековой (Санкт-Петербург) было показано, что притяжательные местоимения 3-го лица занимают в языковой системе ребенка особое положение. Они находятся между собственно «ядерными» притяжательными местоимениями типа «мой» и формами родительного падежа имен. По словам С.В. Краснощековой, ребенок начинает употреблять их позже, чем другие способы выражения притяжательности (конструкция типа «у меня», притяжательные прилагательные и т. д.), и с их помощью осваивает посессивное значение родительного падежа.

Второй день конференции открылся докладом О.Ю. Чуйковой (Санкт-Петербург). В нем были приведены некоторые наблюдения над поведением глаголов со значениями 'есть' и 'пить' в русском языке. О.Ю. Чуйкова рассмотрела особенности, отличающие данные глаголы от прототипических переходных: возможность употребления без прямого дополнения и способность к специфической для русского языка сатуративной деривации с циркумфиксом *на-...-ся*. В докладе были приведены результаты количественного анализа способности образованных от 'есть' и 'пить' глаголов совершенного вида к непереходному употреблению и выражению делимитативного/комплетивного значения. Для переходных употреблений глаголов совершенного вида О.Ю. Чуйкова рассмотрела предпочтительные способы падежного маркирования объекта.

М.А. Холодилова (Санкт-Петербург) подробно рассмотрела ситуацию с несогласованными зависимыми в русской именной группе, которые в обычном случае следуют за вершиной. Препозиция таких зависимых оказывается возможной и сравнительно частотной, в случае если зависимое выражено местоимением и занимает в именной группе нена начальную позицию, как, например, в сочетании «твое к этому отношение». Согласно гипотезе М.А. Холодиловой, позиция, занимаемая такими зависимыми, соотносима с позицией Ваккернагеля, а предпочтительность в ней местоимений свидетельствует об их клитизации.

Е.В. Сидорова (Москва) посвятила доклад исторической перестройке восточнославянской референциальной системы, т. е. переходу от глагольных окончаний к личным местоимениям как ведущим редуцированным референциальным показателям. По словам Е.В. Сидоровой, это типологически необычное явление, не свойственное другим славянским языкам. Существует несколько различных гипотез, которые в той или иной мере объясняют данный переход, однако до сих пор не проводи-

лось их проверки на достаточно широком материале. В своем исследовании Е.В. Сидорова путем хронологического анализа ряда древне- и великорусских памятников попыталась объяснить данный процесс и проверить имеющиеся гипотезы.

Во время дневных заседаний состоялись три лекции. Первую лекцию «Грамматика глагола в активном словаре» прочитал академик РАН Ю.Д. Апресян (Москва). Отправным пунктом размышлений в лекции Е.В. Рахилиной (Москва) «Метафора в семантической теории и практике» стала конструкция «Х-у стукнуло Y», ее выступление было посвящено юбилею. Член-корреспондент РАН В.А. Плунгян (Москва) прочитал лекцию «Вокруг субъектного имперсонала» о возможностях типологического изучения этой категории.

Завершила второй день конференции секция стендовых докладов. Ее предваряли краткие устные презентации. Как показала в своем докладе П.С. Антонова (Москва), среди наречий, с помощью которых можно охарактеризовать состояние участника ситуации, в русском и польском языках выделяется особая группа наречий, включающая русские наречия на *-ом* (*босиком, голышом, нагишом*) и польские наречия *nago, boso, trzeźwo, młodo, staro*. Наречия данной группы по своим свойствам больше похожи на вторичные предикаты, чем на остальные наречия состояния. Они могут иметь интерпретацию, близкую к сирконстантной интерпретации вторичных предикатов; большинство из них может относиться к тем же участникам, что и вторичные предикаты; они имеют характерные для вторичных предикатов коммуникативные статусы. Существование данной группы наречий подтверждает идею о близости значений, выражаемых адвербиальной конструкцией и конструкцией вторичной предикации: по мнению П.С. Антоновой, в сознании носителей языка эти конструкции настолько близки, что произошел перенос значения, обычно выражаемого одной конструкцией, на другую.

В.В. Дьячков (Москва) проанализировал особенности посессивных конструкций в языке томо-кан, распространенном на территории Мали. В докладе он попытался объяснить различия между двумя типами посессивных групп: аппозитивной и послеложной, в которой обладаемое маркируется особым послелогом. Согласно гипотезе В.В. Дьячкова, их дистрибуция определяется различиями в референциальном статусе существительных. Особое внимание В.В. Дьячков уделил семантической эволюции посессивного послелого.

Доклад Е.В. Кашкина (Москва) представлял собой изложение результатов исследования

в рамках лексической типологии. Предметом рассмотрения стали прилагательные, описывающие отсутствие неровностей на поверхности объекта, в ряде уральских языков. Исследователь выделил основные семантические противопоставления, релевантные для исследуемой лексической группы, и проанализировал модели развития метафорических значений.

К.А. Кожанов (Москва) проанализировал семантику приставки *da-* в литовском языке. Данная приставка, с одной стороны, не признается литературной, а с другой, широко употребляется в разговорной речи и ряде диалектов. По словам К.А. Кожанова, семантика приставки очень близка к семантике ее соответствия в славянских языках. Наряду с этим фиксируется калькирование словообразовательных моделей, свойственных славянским языкам. По мнению К.А. Кожанова, семантика и употребление приставки *da-* свидетельствует как о самостоятельном развитии ее семантики, так и о влиянии нескольких других языков.

В совместном докладе А.А. Козлова и М.Ю. Привизенцевой (Москва) было предложено лексико-типологическое исследование прилагательных размера в тегинском говоре хантыйского языка. В качестве типологического фона были использованы данные русского, немецкого и коми языков. Авторы исследования выявили основные особенности системы прилагательных размера тегинского говора: совпадение значений «низкий» и «неглубокий» в одной лексеме при использовании двух разных для обозначения «высокого» и «глубокого» и существующая на уровне топологических классов асимметрия прилагательных с положительным и отрицательным значением, описывающих ширину и толщину объекта.

В выступлении Н.А. Коротаева (Москва) рассматривались примеры сложноподчиненных объектных конструкций в устной русской речи, в которых формальным средством выражения межклаузуальных отношений выступает сочетание «то что». Согласно гипотезе Н.А. Коротаева, данное сочетание функционирует как единый союзный комплекс, не сводимый к соединению опорного местоимения с союзом «что». Этот комплекс характеризуется интонационной нерасчлененностью; кроме того, круг использования нового союза оказывается шире, чем у расчлененного варианта «то / что». Анализ синтаксических контекстов, в которых употребляется «то что» в устной речи, позволил автору предположить, что это сочетание захватывает ряд стандартных употреблений союза «что».

М.И. Кудринский (Москва), Д.П. Попова (США), А.П. Симоненко (Канада) посвятили свой доклад анализу применимых

употреблений фокусных частиц *pa* и *s'i* в хантыйском языке. Авторам удалось показать, что в основе как аддитивной, так и контрастивной фокусной семантики лежат анафорические отношения между выражением, маркированным фокусной частицей, и некоторым другим выражением, входящим в контекст. Различная поверхностная семантика именных групп, в состав которых входят аддитивная или контрастивная фокусная частица, возникает в результате того, что анафорическая связь может устанавливаться в отношении различных свойств.

А.А. Малько (Санкт-Петербург) рассмотрел феномен интерференции при согласовании. Он изложил результаты эксперимента, в котором изучалась интерференция при согласовании по роду на материале русского языка. Полученные результаты А.А. Малько сравнил с результатами аналогичного эксперимента на материале словацкого языка.

В докладе Н.А. Муравьева (Москва) рассматривалась проблематика нефинитных глагольных форм, выступающих как средство выражения одновременного таксиса в финно-угорских языках. К исследованию был привлечен материал коми, удмуртского, финского и хантыйского языков, и в каждом из них было обнаружено более одного такого средства. По словам Н.А. Муравьева, речь преимущественно идет о деепричастиях, но вместе с тем к их числу можно отнести также послеложные и падежные формы глагольных имен и причастий. Как показал исследователь, собственно таксис одновременности представлен как сложная семантическая структура сочетания двух действий с одинаковыми или различающимися аспектуальными свойствами, одно из которых помещено во временной контекст другого. Данная модель позволяет решить задачу по описанию и сравнению дистрибуции исследуемых глагольных форм.

Одной из проблем грамматики башкирского языка было посвящено выступление С.А. Оскольской (Санкт-Петербург). Критивный суффикс *-həð* в башкирском языке традиционно считается деривационным суффиксом прилагательного, однако обладает высокой продуктивностью. В докладе С.А. Оскольская рассмотрела синтаксические (способность иметь зависимые разного типа, способность выступать зависимым вершин разного типа) и морфологические (способность данного суффикса сочетаться с грамматическими показателями прилагательного и существительного) свойства формы на *-həð*. Ее анализ позволил исследователю прийти к выводу о том, что рассматриваемая форма проявляет свойства и прилагательных, и существительных и не может быть однозначно отнесена к одной из этих категорий.

А.Ч. Пиперски (Москва) обратился к теме соотношения длины слова и сохранности сильных глаголов в истории немецкого языка. По его словам, сохранность слов в языке зависит от их частотности и выразительности. Эти факторы по-разному влияют на длину слова: более частотные слова короче, но более короткие слова менее выразительны. Изучив влияние длины слов на их сохранность, можно установить, какой фактор побеждает, частотность или выразительность. Исследование немецких сильных глаголов, проведенное автором, показало, что фактор выразительности в этом случае оказался важнее: более длинные основы сохраняются лучше, чем более короткие. При этом выяснилось, что длина основы не влияет на сохранность словоизменительного типа: если глагол сохранился, вероятность его перехода в слабое спряжение не зависит от длины основы.

Исследование М.Г. Тагабилевой (Москва) было посвящено описанию двух синонимичных словообразовательных моделей: модели образования композитов со значением имени деятеля с нулевым суффиксом и с суффиксом *-ец* – в русском языке. Целью работы М.Г. Тагабилевой было выявление ограничений на реализацию данных моделей, а также факторов, влияющих на выбор одной из синонимичных моделей при образовании производного. Она также описала модели образования соотносительных имен женского рода с суффиксами *-к(а)* и *-иц(а)* и нестандартные случаи реализации исследуемых моделей.

Утреннее заседание третьего дня конференции оказалось целиком посвящено исследованиям африканских языков. В докладе О.В. Кузнецовой (Санкт-Петербург) рассматривалась проблема выделения превербов в языке гуро (южная группа семьи манде). По словам О.В. Кузнецовой, в большинстве языков манде выделяются локативные превербы, восходящие к релятивным именам с локативной семантикой и слабо отделимые от глагольной основы. В языке гуро подобные единицы гораздо сильнее отделимы от глагола, тем самым они по своим свойствам сближаются с некоторыми другими релятивными и автосемантическими именами, способными занимать ту же синтаксическую позицию. Свойства «превербов» О.В. Кузнецова рассмотрела в сравнении с этими именами, проанализировав возможность выделения превербов как отдельного класса морфем.

Проблемам грамматики другого языка южной группы семьи манде был посвящен доклад Е.Л. Кушнир (Москва), в котором шла речь о некоторых грамматических свойствах топикизации в языке яурэ. Е.Л. Кушнир описала свойства глагольного маркера топикизо-

ванного актанта, а также свойства показателя топики *le''* как клитики. По ее словам, данные особенности топикизаторов в яурэ не похожи на свойства соответствующих показателей в близкородственных языках, кроме того, их поведение нарушает некоторые важные правила морфосинтаксиса.

М.Б. Коношенко (Москва) предложила подробный анализ морфосинтаксиса притяжательных именных групп в языках манде. Как отметила М.Б. Коношенко, языки манде отличаются единообразием в том, что касается базовой синтаксической структуры. Все они имеют очень строгий порядок слов SOVX, а также одинаковый порядок следования элементов внутри именной группы. В атрибутивной группе определение всегда следует за определяемым (N + Adj), в притяжательной группе обладатель предшествует вершине (NP_{poss} + NP). Однако при более подробном рассмотрении притяжательных групп с отчуждаемой принадлежностью в языках манде оказывается, что это единообразие не более чем поверхностно, поскольку в разных языках такие группы имеют различную синтаксическую структуру. В одних языках притяжательный показатель синтаксически относится к обладателю (зависимому), в других – к обладаемому (вершине).

Наконец, в докладе А.Б. Шлуинского (Москва) было предложено сопоставление структурных характеристик «серийных конструкций» в языках ква на материале 20 языков этой семьи. Как показал докладчик, несмотря на многочисленные попытки определять серийные конструкции через набор формальных признаков, даже в рамках одной языковой семьи имеется целый ряд типологических возможностей. В своем докладе он рассмотрел такие признаки, как общий синтаксический субъект, общее модально-видо-временное маркирование, общее отрицание у глаголов в серийной конструкции и отсутствие показателя синтаксической связи между ними.

Дневное заседание открыло выступление Ю. Конумы (Санкт-Петербург), посвященное так называемым ограничителям – аспектואльным операторам, участвующим в акциональной модификации – в японском языке. В системе этого языка имеется три ограничителя, представленные суффиксами конверба со вспомогательными глаголами. В качестве последних в двух из трех ограничителей функционируют дейктические ориентиры: центростремительный и центробежный. Целью доклада было определить функционально-семантическую компетенцию двух дейктических ограничителей, центростремительного *tek-* и центробежного *-te-ik-*, в системе японского глагольного аспекта.

Д.Ф. Мищенко (Санкт-Петербург/Франция) сосредоточилась на нескольких наиболее интересных аспектах функционирования сложных глаголов в башкирском языке: степени их грамматикализованности, ограничениях на сочетаемость компонентов в зависимости от значения и формальных свойств главного глагола и акциональной характеристики глагола в форме деепричастия, на семантике сложных глаголов и на их морфосинтаксических особенностях. На основании ряда критериев она противопоставила сложные глаголы свободным бипредикативным сочетаниям, лексикализациям и синонимическим конструкциям.

К.А. Ершова (Москва) описала пути грамматикализации нескольких форм, образованных от глагола *ž'əʔe-* 'говорить', в бесленевском диалекте кабардино-черкесского языка. К.А. Ершова рассмотрела три конструкции: конверб, вводящий чужую речь и целевые придаточные, адвербиальную конструкцию, используемую в сочетании с прохибитивом и отрицательным оптативом, и форму, выступающую в качестве цитативной частицы. По мнению автора доклада, рассматриваемые формы от глагола *ž'əʔe-* 'говорить' находятся на разных путях грамматикализации и в различной степени утратили черты полноценных словоформ.

Заключительную секцию конференции открыл доклад М.Л. Федотова (Санкт-Петербург), посвященный анализу значений перфектива и имперфектива (дуратива) как соотносящих «время ассерции» ('topic time' по В. Клейну) с «точкой отсчета» ('point of reference' по Г. Рейхенбаху), то есть в качестве таксисных значений. По словам М.Л. Федотова, при таком анализе происходит отказ от выделения в составе значений перфектива и дуратива фазовых компонентов («вложенность» времени ситуации во время ассерции и наоборот). Значение (широкого) перфектива формулируется при этом следующим образом: «Время ассерции не пересекается со временем отсчета». Значение дуратива формулируется так: «На протяжении времени ассерции реализуется только срединная стадия ситуации; время ассерции пересекается со временем отсчета».

В выступлении И.М. Горбуновой (Москва) на основе экспедиционного материала демонстрировалась проблема построения типологически-ориентированной акциональной классификации по методу С.Г. Татевосова для языка, видо-временная система которого включает в себя форму фактатива. К языкам с такой структурой видо-временной системы метод С.Г. Татевосова не может быть применим без некоторых поправок, поскольку, с одной стороны, форма фактатива для многих предикатов

является единственной доступной, а с другой стороны, эта форма не может приниматься в расчет при построении классификации. И.М. Горбунова продемонстрировала наличие такой формы в языке атаял австронезийской семьи, не учтенной в существующих описаниях видо-временной системы данного языка, и предложила ряд поправок к методу С.Г. Татевосова, которые позволяют построить акциональную классификацию для данного языка, обладающую хорошей предсказательной силой и отвечающую ограничениям на акциональные системы.

Г.А. Мороз (Москва) рассмотрел ареальное распределение и морфологию адвербиальной конструкции временной частотности, использующей схему «(X) что X» в значении 'каждый X', отмеченной в ряде языков Восточной Европы. Как показал исследователь, распределение языков, в которых представлена данная конструкция, во многом совпадает с территорией Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой: это белорусский, кашубский, литовский, польский и украинский. Особняком стоят чешский и словацкий языки, в которых конструкция имеет вид «X со/со X». По словам Г.А. Мороза, эта конструкция интересна своей падежной вариативностью (именная группа может быть в именительном, винительном или родительном падежах); ее описание, выполненное с опорой на корпуса текстов, также было приведено в докладе.

В заключительном докладе конференции Д.С. Ганенков (Москва) рассказал о результатах исследования диахронических изменений в семантике, синтаксисе и морфологии формы конъюнктива на материале языков даргинской группы нахско-дагестанской семьи. Он показал, что в некоторых языках конъюнктив претерпел эволюцию от чисто обстоятельственной формы к форме, используемой преимущественно в конструкциях с обязательным референциальным контролем субъекта зависимой клаузы. Такое изменение сферы употребления конъюнктива, по словам Д.С. Ганенкова, сопровождалось изменением в морфологии конъюнктива и синтаксическом статусе возглавляемой им клаузы.

По уже сложившейся традиции, материалы всех выступлений будут опубликованы в периодическом издании «Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований».

Д.Ф. Мищенко

Сведения об авторе:

Дарья Федоровна Мищенко
Институт лингвистических исследований РАН
zenitchiki@yandex.ru